

ОДОБРЕНО СИНОДАЛЬНЫМ ОТДЕЛОМ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ ЦЕРКВИ С ОБЩЕСТВОМ И СМИ

Жертвенное служение России

2–3

Афганистан: забытая война

4–5

Моя встреча с Богом

6–7

События. Люди. Факты

8

НА ПУТИ К ЕДИНОМЫСЛИЮ

2 марта 2024 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил Всемирный фестиваль молодежи, проходящий на федеральной территории «Сириус» в Краснодарском крае, встретился с его участниками и обратился к ним с Первосвятительским словом.

Христианизация нашей страны началась именно на берегах Черного моря: сюда приплывали первые проповедники, здесь создавались основы христианской цивилизации. Мир узнал благовест, и, выйдя из мрака неведения и идолопоклонства, обрел возможность включить в свою жизнь высочайшие духовные и нравственные ценности, которые были принесены Спасителем.

Мы сегодня много говорим о важности традиционных ценностей. Конечно, это не архаика и не мир без телефонов и компьютеров! Это скорее инструкция, как сохранить жизнеспособность человека в условиях высокотехнологичной, но теряющей свой гуманизм современной цивилизации.

После революции 1917 года была предпринята попытка обнулить нашу историю, упразднить веру в Бога, снести с лица земли памятники, которые ставили перед людьми жизненные вопросы, не укладывавшиеся в рамки новой идеологии. Ничто не должно было напоминать о возможности альтернативного пути, отличного от указанного новой властью. Известно, сколько храмов было снесено, сколько монастырей закрыто, сколько культурных ценностей, связанных с нашей духовной традицией, разрушено. Наверное, нам было суждено пройти этим путем, чтобы сегодня свидетельствовать о его пагубности и ориентироваться в сложных жизненных проблемах, отсеивая зерна от плевел.

Возвращаясь к тому, о чем я только что сказал: когда человеку с младенчества или со школьного возраста внушается некая идеология, не соответствующая нашим духовным и культурным традициям, то это не просто заблуждение. Например, когда мальчику вбивают в голову, что он вовсе не мальчик, а девочка, а девочке – наоборот. А чтобы ребенок понял, что это нужно усвоить, – пожалуйста, соответствующие мультфильмы, в которых навязывается гендерная идеология. И на наших глазах совершается, как мне кажется, подрыв, а если говорить о некоторых обществах, то и разрушение основных нравственных ценностей, на которых создана человеческая цивилизация.

Отказ от традиционных ценностей становится мейнстримом, а лучше сказать, основным потоком исторического развития. Перед всеми нами стоит вопрос: что нам делать? Ответ простой: выбирать самим, в том числе и каждому из вас. Вы молодые люди,

вам жить, вам нужно сделать этот выбор, и я искренне рекомендую вам сделать его правильно. Сделать его в пользу тех основ, на которых существовала и существует наша тысячелетняя русская цивилизация. А одна из этих основ – православная вера. Если же обращаться к аудитории, где есть и мусульмане, и люди других религий, то, по крайней мере, надо сказать, чтобы не выбрасывалась за борт та аксиология, та система ценностей, которая связана с духовной жизнью человека. Вот это и будет гарантия, что мы, во-первых, не превратимся в людей без рода и племени, а главное, никогда не окажемся объектом манипуляций, в том числе с использованием мощных средств современной пропаганды.

Когда мы говорим о ценностях, лишая это понятие нравственного измерения, о чем мы говорим? О ценностях материальных? Культурных? Но и они теряют жизненную силу, будучи оторваны от нравственности и нравственного начала. Мне кажется, в наше время необходимо усилить, в каком-то смысле обновить, практику миротворчества. Наша страна всегда выступала и выступает за мир, и сегодня она ни в коем случае не должна отказываться от этой миссии, потому что угроза военных конфликтов, несомненно, возрастает. Но в эту борьбу за мир мы обязательно должны включать ценностную ориентацию, апеллирующую к тем самым ценностям, о которых я только что

сказал. Не может быть реального мира, когда мир так раздроблен, когда нет согласия в отношении ценностей, когда утилитарный подход разрушает всякую перспективу ориентации личности в сторону подлинных, непреходящих ценностей.

Поэтому, если мы говорим о миротворчестве, мы должны быть готовы привнести в борьбу за мир новые способы взаимодействия между людьми. Есть такое понятие «горизонтальные связи», но я бы его дополнил важными понятиями единомыслия и доверия. Необходима работа на горизонтальном плане, направленная на расширение семьи тех, кто с нами вместе, кто нам сочувствует, кто мыслит, как мы, при всех различиях – культурных, интеллектуальных языковых и так далее.

Мне кажется, что и нынешнее собрание – в каком-то смысле на пути к созданию такого единомыслия, с тем чтобы мы обновили саму идею и практику того, что принято называть миротворчеством. Не может быть мира без единомыслия, не может быть мира без справедливости. Мир без справедливости – это одна из форм рабства. Мир, под прикрытием которого творится беззаконие, страдают люди, – это не мир, это рабство.

Формирование мировоззрения начинается с семьи. Именно в семье закладывается система ценностей. Но, к сожалению, сегодня семья находится под ударом мощных пропагандистских сил. Никто прямо не го-

ворят, что семья – это плохо, но супружеские измены становятся чуть ли не нормой жизни; кинематограф, литература пропагандируют разрушение целостности человеческой личности.

Если мы хотим быть счастливыми в жизни, мы должны обязательно быть целостными. Ни в коем случае нельзя разрушать свою внутреннюю целостность. А целостность формируется нравственными принципами. Мы не можем быть сильными, если не любим Родину. Мы не можем быть сильными, если не живем в мире с родителями и детьми. Мы не можем быть сильными, если разрушаем свою семью, – все это взаимосвязано. А с понятием «сила» связано и благополучие, потому что сильный человек способен формировать благополучие для себя и для своей семьи. И совершенно очевидно, что все эти понятия могут и должны закладываться в семьях.

К сожалению, сегодня многие боятся заводить семью, боятся заводить детей, говорят: надо еще пожить, я еще «не нагулялся». А как ты потом включишь себя в семейную систему? Скучно тебе будет! Годик поживешь, а потом опять начнутся поиски... А ведь именно в отношениях мужа и жены и воспитываются навыки любви, а также навыки терпения, умение слушать, взаимно уважать, быть готовыми к компромиссам. Умение слушать другого и идти ему навстречу, наступив на горло собственной песни, – это и есть способность сохранять семейные отношения. Любовь и жертвенность – это почти синонимы, и Господь нам это показал на кресте. Движимый любовью, Он вышел на крест и претерпел страдания. Поэтому, если вы любите человека, вы обязательно должны чем-то ради него жертвовать, иначе от любви камня на камне не останется.

Ну, а если мы действительно разрушим традиционную семью, к чему подталкивают каждого человека так называемая современная культура, тогда мир останется без будущего. Потому что именно семья производит это будущее – и чисто физиологически, и духовно, и в плане воспитания. А если человечество станет обществом эгоистов, живущих только для себя, на этом и закончится человеческая цивилизация. Ведь эгоизм исключает совместные действия, исключает такие понятия, как любовь и дружба, те есть ту систему взаимодействия людей, те скрепы, которые формируют человеческое общество и от которых зависит, в том числе, существование государства.

Вот молодые люди и призваны употреблять свои силы и способности к тому, чтобы менять мир к лучшему. А люди старшего поколения призваны соучаствовать в этом деле и поддерживать молодежь.

ЖЕРТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ РОССИИ

21 февраля 2024 года в Колонном зале Президентской библиотеки г. Санкт-Петербурга состоялся торжественный вечер «Жертвенное служение России», посвященный чествованию наших воинов, участвующих в специальной военной операции, медицинских работников, спасающих жизни военнослужащих и мирного населения в зоне боевых действий и в госпиталях, волонтеров, собирающих и отправляющих гуманитарную помощь, медикаменты, снаряжение в зону специальной военной операции.

Преосвященнейший Вениамин епископ Кронштадтский, викарий Санкт-Петербургской епархии огласил приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла к участникам Движения «Россия

Православная», организаторам и гостям торжественного вечера.

С приветственными словами выступили: председатель Попечительского Совета, председатель Санкт-Петербургского городского отделения Движения «Россия Православная» Сергей Смирнов; председатель Наблюдательного Совета Движения «Россия Православная» Михаил Иванов; ветеран Великой Отечественной войны, председатель Санкт-Петербургской общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» Елена Сергеевна Тихомирова; генеральный директор Президентской библиотеки Юрий Носов и другие почетные гости.

На торжественном вечере были вручены медали Движения «Россия Православная»:

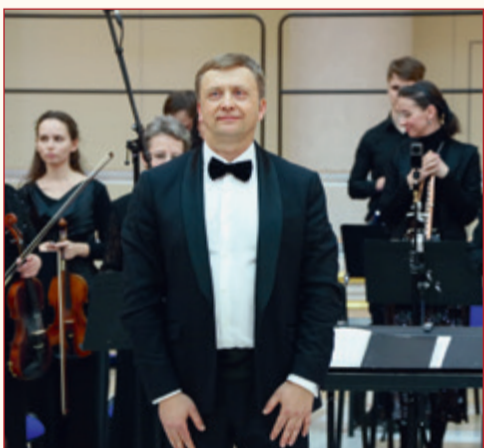
медали «За веру и доблесть» участникам специальной военной операции и медали «За жертвенное служение» медицинским работникам и волонтерам.

В концертной программе приняли участие Государственная академическая капелла Санкт-Петербурга, художественный руководитель – народный артист СССР Владислав Чернушенко, и Государственный симфонический оркестр Ленинградской области, дирижер – заслуженный артист России Игорь Шевернев. Ведущими вечера выступили: директор специальных проектов Государственного Кремлевского оркестра Управления делами Президента Вера Кононова и солист Большого театра и театра «Новая Опера» Станислав Мостовой.

Торжественные вечера «Жертвенное служение России» проводятся с 2004 года и помимо благотворительных концертов включают награждение достойных представителей нашего общества орденами и медалями Движения «Россия Православная».

Русская культура пронизана любовью, а любовь всегда жертвенна, она не ищет славы, она ищет служения. В служении ближнему – жизненные основы нашего народа, готового на жертвенный подвиг «за други своя».

Торжественные вечера «Жертвенное служение России» посвящаются любви и милосердию, чести и доблести тех, чей жизненный путь является для нас примером восхождения по лестнице добродетелей.

АФГАНИСТАН: ЗАБЫТАЯ ВОЙНА

ВОСПОМИНАНИЯ КОМАНДУЮЩЕГО 40-Й АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА БОРИСА ГРОМОВА

15 февраля 2024 года исполнилось 35 лет со дня вывода советских войск из Демократической Республики Афганистан.

По данным Министерства обороны Российской Федерации в период с 25 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года на территории Афганистана прошли военную службу 620 тыс. советских военнослужащих. Из них 525,2 тыс. (в т. ч. 62,9 тыс. офицеров) служили в составе 40-й армии, 90 тыс. – в пограничных и других подразделениях КГБ, 5 тыс. представляли МВД. Кроме того, на должностях гражданского персонала в войсках находились около 21 тыс. человек.

Общие безвозвратные людские потери советской стороны в афганском конфликте составили 15 тыс. 51 человека. Органы управления, соединения и части Советской армии потеряли 14 тыс. 427 человек, подразделения КГБ – 576 человек. За этот же период в Афганистане пропали без вести или оказались в плену 417 военнослужащих, из них в ходе конфликта и в последующие годы не менее 130 человек были освобождены.

Прилагаемой публикацией мы отдаем дань памяти всем тем, кто до конца остался верен воинской присяге, ценой жизни исполнил свой долг перед Родиной!

* * *

15 февраля 1989 года советские воинские части были выведены из Афганистана. На последнем БТРе, перешедшем пограничную реку Пяндж, был командующий 40-й армией Борис Громов. О событиях той поры в его интервью Мк.ру.

– Борис Всеволодович, 15 февраля для Вас – это праздник или день грустный?

– Это как 9 Мая для людей, переживших Великую Отечественную: праздник со слезами на глазах. Праздник, потому что закончилась война. И день памяти о боевых товарищах, погибших в Афганистане.

– Вы в Афганистане были трижды. Что запомнилось Вам больше всего?

– На войне все чувства обострены, поэтому запоминается многое, если не все. Но больше всего у меня в памяти остался переход от мирной жизни к фронтовой – от декабря 1979 года к январю 1980-го. Все было совершенно обычно, готовились к Новому

непреодолимое ожидание какой-то тревоги, что в любой момент может произойти что-то непоправимое.

Мы, офицеры, готовились к совершенно иной войне, поэтому в первое время в Афганистане не понимали, зачем мы здесь, кто наш противник, откуда ждать удара.

Первый военный эпизод, который меня потряс, произошел в феврале 1980-го. Наша 108-я дивизия стояла на северной окраине Кабула. Потом мы перенесли штаб в Баграм. Регулярно проводили совещания командования дивизии, как это было принято в мирное время в СССР. После одного из таких совещаний, как обычно, дали команду участникам совещания разбежаться по своим частям. А через час поступил доклад о том, что по дороге из Кабула в Баграм была обстреляна машина и погибли подполковник, командир инженерно-саперного батальона, и его водитель. Нападавшие надругались над трупами – исполосовали ножами, отрезали уши, выкололи глаза...

Я выезжал на место. Это было ужасное потрясение. Мы ведь были воспитаны в мирных условиях и думали, что такие зверства невозможны в принципе, а оказалось, что возможны. На протяжении всех девяти лет пребывания советских войск в Афганистане такие случаи повторялись.

– Ваше мнение о простых афганцах?

– Афганцы, которые не входили ни в какие отряды моджахедов, были искренними и очень хорошими людьми. Они жили очень бедно, но им были свойственны мудрость, человечность, доброжелательное отношение к людям, в том числе к нам, шурави. Может, они и не бросались на шею, но у них был свой код чести, поведения. Они очень хорошо относились к нам, к советским людям, и мы к ним тоже. Мы очень много им помогали, строили, поставляли продовольствие. Они это ценили.

– У СССР был шанс на успех в Афганистане? Как менялось Ваше мнение на этот счет по ходу войны? Существовало ли военное решение афганской проблемы?

– Я был в Афганистане трижды. Вначале я не мог судить о правильности принятого руководством страны решения, как говорится, не обладал всей полнотой информации. Года через полтора, когда я узнал практически весь Афганистан и везде побывал, я понял, что затея, которую хотели претворить в жизнь, была неосуществима. В то время и США, и НАТО делали все для того, чтобы СССР увяз в Афганистане. Я убедился в

этом во время встреч с главкомом войск южного направления НАТО. Они этого не скрывали. На мой взгляд, при принятии решения о вводе войск и интернациональной помощи Афганистану руководством СССР, видимо, не все было учтено. Либо существовали другие политические моменты, о которых мы не знаем. Сейчас мне очевидно, что ввод войск был до конца не обдуман.

В течение первых двух лет пребывания там наших войск многим офицерам и руководству 40-й армии (Минобороны, кстати, изначально было против ввода войск) стало очевидно, что надо принимать меры для вывода войск из Афганистана. Задач как таковых для 40-й армии там не существовало. Единственной задачей было сохранение спокойной обстановки в Афганистане во избежание проникновения военных сил извне.

Ввод войск в Афганистан, как я понимаю, был шагом на опережение, мы хотели опередить американцев. Это можно считать единственным основанием для ввода советских войск в ДРА. Но решить этот вопрос можно было по-другому. К примеру, направить не 140-тысячную группировку советских войск, а ограничиться хотя бы 30 тысячами. Этим сил хватило бы, чтобы поддерживать стабильность и власть в основных районах.

– 40-я армия была какой-то особенной?

– Единственной и, слава Богу, неповторимой в структуре Вооруженных сил за весь период после Великой Отечественной войны. Во-первых, это была воюющая армия. Во-вторых, у нее был очень необычный, так называемый армейский комплект. Например, в составе 40-й помимо армейской авиации была и фронтовая, причем очень мощная. Сейчас в Российской армии нет столько авиации, сколько ее было в 40-й армии. А две бригады спецназа! Это восемь полноценных батальонов, которые работали вдоль границ с Ираном и Пакистаном, где перехватывали караваны с оружием, боеприпасами.

– Как принималось решение о выводе войск из Афганистана?

– С начала 1983 года командование 40-й армии целенаправленно ставило перед Минобороны, нашим посольством в Кабуле, перед всеми, кто принимал такие решения, вопрос о выводе войск. Мы подготовили документы и отправили их в Политбюро ЦК КПСС. Всерьез за рассмотрение решения о выводе войск взялись в 1985 году, когда стало ясно, что силой вопрос не решить.

Наконец, было подписано так называемое Женевское соглашение между Афганистаном и Пакистаном. СССР и США выступали в качестве гарантов. В соглашении были определены сроки вывода войск: начало вывода было намечено на 15 мая 1988-го, а окончание – на 15 февраля 1989 года. Единственное, не был расписан порядок вывода войск, поскольку это определяло командование 40-й армии. Именно оно настояло на выводе войск, поскольку все те задачи, которые от нас зависели, в Афганистане были решены. Мы показали всем, что пока в Афганистане была 40-армия, было бесполезно лезть туда и воевать с СССР. Американцы и сейчас об этом говорят. Однако США делали все, чтобы как можно дольше задержать советские войска в Афганистане.

– Есть мнение, что СССР потерпел поражение в этой войне. А как вы считаете?

– После вывода войск те, кто не представляет, что такое Афганистан, кто не воевал там, часто рассказывали и рассказывают небывлицы о том, что СССР и 40-я армия потерпели поражение в Афганистане. Не было задач, которые 40-я армия не могла бы выполнить. Это была очень мощная армия. Ни о каком поражении речи быть не может.

Силы, которые там находились, были просто несопоставимы. С одной стороны были мы, а с другой те, кто действовал по указке США. Американцы действовали скрытно, все делали руками пакистанцев и тех афганцев, которые были на стороне Пакистана.

А самое главное – 40-я армия в Афганистане никогда и ни от кого не получала задачи победить военным путем. Когда говорят, что наша армия потерпела там поражение, то этих людей надо называть «сказочниками».

– В чем была уникальность операции по выводу войск?

– Во всем: и в целом, и в нюансах. Когда я узнал, что буду назначен командующим 40-й армией специально под задачу вывода войск, честно говоря, сначала даже не представлял, как это можно осуществить в отведенные сроки. Прекрасно ведь знал, как много у нас гарнизонов, как они разбросаны по всей стране, сколько техники, имущества. Голова кругом шла. Надо было определить маршруты и порядок вывода, учесть массу деталей, провести работу с афганцами (официальной властью и моджахедами). План разрабатывали в штабе армии, в обстановке строжайшей секретности. Утверждал план непосредственно у министра обороны. Все наши предложения были согласованы на уровне руководства страны. Главные задачи: выдержать сроки, которые Советскому Союзу были определены на международной конференции, и не допустить гибели людей.

– Как проходила подготовка к выводу и сам вывод войск?

– США, повторюсь, все делали для того, чтобы вывод или не состоялся, а если бы и состоялся, то с огромными для нас потерями. Мы готовились серьезно, привлекли все, что было возможно: и космическую, и другие виды разведки, которые существовали на тот момент. Мы знали все про каждый километр территории Афганистана.

Вывод войск осуществлялся по двум направлениям: западному, вдоль иранской границы, и центральному – через юг, юго-запад на Кабул, через Саланг на Термез и на Кушку. Мы установили и поддерживали связь со всеми лидерами «Альянса семи». У нас была мощнейшая агентура среди них. Мы вели переписку, встречались лично со многими лидерами. В конечном счете, завершая подготовку к началу вывода, всем разослали письма за моей подписью. Официально я как командующий 40-й армией был представителем правительства СССР по Афганистану. Все соглашения шли через меня. Все было предупреждено, в том числе письменно. Более того, мы направили письма тем, кто поддерживал противников кабульских властей в Пакистане.

Вывод прошел практически без потерь, хотя было очень нелегко. Позиция Шеварднадзе, который тогда возглавлял МИД СССР, усложняла вывод войск. Он был в хороших

отношениях с главой Афганистана Наджибуллой и настаивал на том, чтобы не выводить армию в сроки, указанные Женевским соглашением, а если и выводить, то оставить в Афганистане 30 тысяч человек вдоль дороги Кабул – Термез в поддержку ДРА и афганской армии. Мы на это не пошли, еле отбились от этой идеи. Представляете, что было бы, если бы наши люди там остались?..

Когда прошел первый этап вывода в период с 15 мая по 15 августа 1988-го, из Москвы пришла команда остановить вывод. То есть был официальный перерыв, что было записано в протоколе к соглашению.

Войска из Кабула начали уходить ровно за месяц до окончания вывода. Было очень тяжело вывести огромное количество войск из Кабула через Саланг всего за месяц, когда справа и слева сидели «духи».

– Известно, что была достигнута договоренность с Ахмад Шахом Масудом о том, что он пропустит колонну советских войск без боя через перевал Саланг. Как удалось достигнуть договоренности? Какие у Вас были взаимоотношения с ним?

– Он был достойным человеком, несмотря на то что был одним из основных наших противников. Ахмад Шах все прекрасно понимал. Люди, которые жили в Панджшерском ущелье, его очень любили. Масуд был очень обязательным человеком. Если он давал обещание, то можно было на 100% быть уверенным, что он его сдержит.

Я встречался с ним один раз перед выводом войск. Это было в мае 1988 года. До этого мы писали друг другу письма, передавали их через разведчиков. Мы все обговорили, утрясли все проблемы, организовывали взаимодействие, чтобы не произошло чего-то непредвиденного. У нас были пароли, кроме того, мы закодировали общение, чтобы кто-то другой не смог выступить от имени

Ахмад Шаха. Последний раз мы условились о месте встречи. Это было недалеко от расположения 177-го полка, перед входом в предгорье, где начинается горная часть дороги на Саланг. Вправо уходила дорога на Панджшер, а прямо шла основная дорога: Кабул – перевал Саланг – Тургунди. Мы встретились на стыке двух дорог без охраны. Мы общались около пяти минут, подтвердили договоренности.

После этого мы часто переписывались. А потом нас подставили. Господин Шеварднадзе настоял на том, чтобы перед выводом войск, когда наши последние две колонны должны были перейти через Саланг, мы должны были нанести мощный удар по Ахмад Шаху, что и было сделано. Даже в том случае, когда нами удар был нанесен, Масуд ответного удара не нанес.

– Есть информация, что удар нанесли по пустым ущельям. Это так?

– Удар был нанесен по объектам, которые дала Москва. Цели назвал Горбачев, об этом было сказано министру обороны. Возможно, каким-то образом наши предупредили Ахмад Шаха о том, что мы были вынуждены нанести удар. Были указаны цели вдоль дороги, где были люди, подчинявшиеся Масуду. Около 90% из них ушли.

У них была своя агентура, и мы их также предупредили. Удары нанесли в глубину – на восток и запад от Саланга. Задействована была и дальняя авиация с территории СССР. Но мы были категорически против этих ударов. Мы звонили в Москву и говорили, что 40-я армия в этом участвовать не будет. Фактически мы перешли грань подчиненности.

Мы объясняли, что если эти удары достигнут цели, то войска, которые остались у входа в перевал в Саланг, из Афганистана не выйдут. Если бы моджахеда нанесли ответный удар, произошла бы трагедия.

– Почему Вы решили выходить из Афганистана последним?

– Я так спланировал, доложил министру обороны Дмитрию Тимофеевичу Язову. Он немного подумал и согласился. Это касалось не только 15 февраля. Я и из Кабула уходил последним. В Афганистане все события надо видеть и чувствовать самому.

– Какие первые мысли и слова у Вас были, когда вывод войск закончился?

– Про себя я сказал примерно так: «Слава Богу, что все завершилось». Не было сил говорить. Были также слова, которые лучше не произносить.

МОЯ ВСТРЕЧА С БОГОМ

15 февраля Церковь отмечала праздник Сретения Господня, запечатлившийся в нашем сознании принесением Младенца Христа в храм и Его встреча праведным Симеоном Богопримцем. Первая встреча с Богом состоялась и в жизни каждого из нас. Об одной из таких историй, преобразивших душу ребенка, рассказывает член Союза писателей России протоиерей Николай Агафонов

Как-то раз после службы меня позвал настоятель. Я быстро собрал ноты в папки и, спустившись в храм, прошел в алтарь. Отец настоятель, благословив меня, сказал:

– Сегодня, Алексей Павлович, тебе надлежит потрудиться на ниве просвещения.

– Как это? – не понял я.

– Да очень просто, пойдешь в четвертую школу и проведешь там беседу с учениками шестых классов. Меня просила директор, но сегодня мне что-то нездоровится.

После этого я совсем растерялся.

– Как же я буду с ними беседовать? Это для вас, отец Евгений, просто. А для меня проще самую сложную четырехголосную партитуру переложить на трехголосную, чем провести беседу со школьниками. Они ведь ждут вас, я даже не священник. Может быть, мне с ними урок пения провести?

– Пение у них есть кому преподавать, а вот дать понятие о вере некому. Семинарию духовную ты закончил, так что, думаю, прекрасно справишься. Расскажи им что-нибудь из Священной истории.

– А что, например? – поинтересовался я.

Настоятель на минуту задумался, а потом, широко улыбнувшись, сказал:

– Расскажи им, как Давид поразил Голиафа из пращи. Сказав это, настоятель, уже не сдерживаясь, стал прямо-таки сотрапезничать от смеха. Меня всегда удивлял его смех. Сменялся он как-то молча, но при этом весь трясся, будто в нем начинала работать невидимая пружина. Теперь же, глядя на смеющегося настоятеля, я с недоумением размышлял: что же может быть смешного в убийстве, хотя бы и Голиафа. Наконец пружина внутри настоятеля стала ослабевать, и вскоре тряска совсем прекратилась. Он достал из кармана скомканный носовой платочек и стал вытирать им выступившие на глазах слезы. Видя мое недоумение, он пояснил:

– Да я, Алексей Павлович, вспомнил, как сам в первый раз попал в школу на беседу с учениками. Прихожу в класс, они смотрят на меня, оробели. Наверное, никогда настоящего священника так близко не видели. Я сам растерялся. С чего, думаю, начинать? Ну не мастер я рассказывать, и все тут. Стал им что-то о вере говорить, уж не помню что, но только вижу – заскучали мои ученики. Даже завуч, сидевшая в классе, тоже стала позевывать, а потом, сославшись на какое-то срочное дело, ушла из класса. Ученики же всем своим видом показывают, как им неинтересно меня слушать: кто уронил голову и дремлет, кто переговаривается. Кто-то жвачку жует, со скужающим видом глядя в окно. Некоторые даже бумажными шариками стали исподтишка пуляться друг в друга. Тогда я решил сменить тему и рассказать, как Давид Голиафа из пращи убил. Когда я стал рассказывать, один ученик спрашивает: «А что такое праша?». Я попытался описать это орудие на словах, но потом вдруг решил показать образно. Говорю одному ученику: «Ну-ка, сними свой ремень». Тут класс оживился. Некоторые стали посмеиваться: «Сейчас, Сема, тебе батюшка ремнем всыплет, чтобы двое не получал». Всем стало весело.

Я взял кусок мела покрупней, вложил его в ремень и стал им размахивать, показывая, как Давид стрелял из пращи. К несчастью, мел вылетел из моей пращи – и прямо в оконное стекло, которое сразу вдребезги. Класс буквально взорвался от смеха.

Завуч, привлеченная таким шумом, сразу прибежала. Вбегает она в класс – и что же видит: я стою перед разбитым стеклом, вид бледный, растерянный, а в моих руках брючный ремень. Подходит она ко мне сбоку и шепчет на ухо: «Ремнем, батюшка, непедagogично. Мы сами разберемся и накажем как следует». Я ей шепчу в ответ: «Марья Васильевна, наказывать надо меня. Это я показывал, как Давид убил Голиафа, да немного неудачно получилось».

Вижу, как после моего пояснения, завуч сама теперь еле сдерживается от смеха. Но учителя не нам, священникам, чета, эмоции умеют скрывать. Повернула она к ученикам свое исполненное суровой решимости лицо и строго говорит: «Всё, смеяться прекращаем. Давайте поблагодарим батюшку за интересную и полезную беседу». Поворачивается ко мне, при этом выражение лица меняется на прямо противоположное: «Спасибо вам, отец Евгений, приходите еще, когда сможете».

В этот же день я прислал в школу Николая Ивановича Лугова, и он вставил стекло. А через две недели, совсем неожиданно для меня, весь класс пришел в церковь. Они говорят: «Пойдемте, батюшка, мы вам покажем, как научились Голиафа из пращи

поражать». Действительно, привели меня на школьный стадион. Там у них из фанеры огромный Голиаф вырезан. Лицо Голиафа, разрисованное красками, имело такой свирепый вид, что в него так и хотелось бросить камень. Ребята рассказали мне, что вначале у них плохо получалось метание камня, но потом они так наловчились, что теперь даже соревнования между собой устраивают. Дали мне самодельную прашу: «Попробуйте, батюшка, у вас должно неплохо получиться». Я раскрутил прашу, но у меня камень полетел в обратном направлении. Ребята довольные, смеются. Сами стали камни метать, хвалиться передо мной. После, как наигрались, я им говорю: «Пойдемте ко мне в храм чай с баранками и конфетами пить». Так мы и подружились.

– Меня, отец Евгений, Вы к ним сейчас посылаете?

– Нет, те ребята уже школу закончили. Это давно было, лет семь-восемь назад. Так, что давай, Алексей Павлович, теперь твоя очередь в школе окна бить. И отца Евгения вновь стала сотрапезничать невидимая пружина.

Послушание превыше поста и молитвы. Делать нечего, хочешь не хочешь, а идти надо. Я для солидности пришел в школу в подряснике. Но вид у меня и в подряснике несолидный. Борода не растет. Так, клочки непонятные, торчат во все стороны. Жена мне говорит: «Чего ты народ смешишь? Ты не священник и не монах, ты простой регент и борода тебе ни к чему», – и настояла, чтобы я брился. Хотя мне уже двадцать восемь лет, но без бороды и при моей худобе на вид мне больше двадцати не давали. Когда пришел в класс, то, как и ожидал, авторитета моя личность в глазах школьников не вызвала. Посматривают на меня, хоть и с интересом, но скептически. Я им говорю:

– Здравствуйте, ребята. Сегодня мы с вами проведем занятие по библейской истории. Тема занятий: Давид и Голиаф.

– Что-то вы на попа не похожи, – прищурившись, говорит мне мальчишка с первой парты.

– Я не священник, но я служу в церкви регентом.

– Кем-кем? – с удивлением переспрашивает парнишка.

– Регентом, – повторил я не без гордости, так как очень ценил свою должность, – я руковожу церковным хором.

– Так выходит, мы с вами петь будем? – не унимается этот вредный паренек.

– Нет, – с досадой отвечаю я, – я буду вам рассказывать про царя Давида.

– Знаем мы про Давида, – машет небрежно рукой этот парнишка, – он крутого одного завалил. Мне родители купили Библию для детей, там все написано.

будете слушать.

– Конечно, будем слушать, – закричали все, и в глазах детей я прочел неподдельное любопытство.

– Произошло это со мною, когда я был еще младше вас. Я учился в третьем классе. Главной мечтой в моей жизни была собака. Не скрою, я очень завидовал своим товарищам, имевшим собак. Но моя мама была категорически против. Все мои слезы и уговоры на нее действовали плохо. То есть никак не действовали. Правда, на моей стороне была родная тетка, мамина сестра. Тетя Зина не раз говорила маме:

– Ты неправильно воспитываешь ребенка. Нельзя в них подавлять хорошие побуждения. Просит сын собаку, значит, она ему нужна. Ему нужен друг, о ком он мог бы заботиться.

– Знаю я эти заботы. Повозится день-два, а потом матери убирай, и корми, и гуляй с ней. Как будто мне больше делать нечего!

Но вот пришел мой день рождения – и случилось чудо. Мамин начальник подарил мне маленького щенка. Я был на седьмом небе от счастья. А мама причитала:

– Какой же вы догадливый, Петр Игнатьевич, ведь именно о таком подарке мечтал мой сын. Признайтесь же дорогой, Петр Игнатьевич, что вы обладаете телепатическими способностями.

– Да никакой здесь телепатии нет, – смущенно улыбался Петр Игнатьевич, – просто ваша сестра, Зинаида Николаевна, мне подсказала.

– Ну, спасибо, сестра, – церемонно поклонилась мама тете Зине и из-за спины Петра Игнатьевича показала ей кулак.

Щенок был презабавный: толстенький, лохматый, совсем как медвежонок, и к тому же ходил, смешно переваливаясь. Я налил ему в блюдце молочка. Щенок полакал, затем обошел всю комнату и все обнюхал. Сделал на полу лужицу. Еще немного походил, затем улегся возле моей кровати на коврик и заснул. Я быстро вытер лужицу, пока не заметила мама, и лег с ним на коврик рядом. Казалось, что никто мне не нужен на всем белом свете, кроме этого пушистого, мягкого и теплого комочка. Я его поглаживал осторожно рукой, а он иногда приподнимал свою морду и благодарно смотрел мне в глаза. Люди так смотреть не умеют. Этот доверчивый взгляд переворачивал всю мою детскую душу. «Вот существо, – говорил я себе, – которое меня понимает лучше всех на свете. Надо придумать, как его назвать». Я лежал возле щенка, пока сам не заснул.

Проснулся я утром в своей постели оттого, что меня кто-то лизнул в нос. Открываю глаза, а это мой щенок. «Вот так бы просыпаться каждое утро» – подумал я радостно, целуя моего щенка в нос.

Было воскресенье, в школу идти не надо, и я весь день мог провести со своим новым другом. Щенок оказался очень сонливым. Он просыпался только чтобы поесть и сделать лужицу, и снова засыпал в любом положении. За это я прозвал его Засоня. То, что он спал, меня не очень тревожило. Вот, думаю, отоспится хорошенько, и будем с ним играть. Я его носил весь день на руках, а он спал.

Когда на следующий день мне нужно было идти в школу, я вновь ощутил себя несчастным человеком. Мне ужасно не хотелось расставаться с Засоней. Я стоял над своим щенком в глубокой и печальной задумчивости. Засоня, даже не догадываясь о моих душевных муках, мирно посапывал во сне. Когда о чем-то очень глубоко задумываешься, то обязательно в голову придет какая-нибудь хорошая мысль. Такая мысль посетила и меня. Я решил взять Засоню с собой в школу. Между мыслью и делом у меня всегда было расстояние не больше одного шага. Потому я решительно шагнул к своему школьному ранцу, не менее решительно

выложил из него все учебники и положил туда своего Засоню. «Зачем мне учебники? – размышлял я, – ведь у моей соседки по парте Ленки Заковыкиной всегда учебники в полном наборе. Она даже лишнего набирает. Как только не надорвется такой портфель тяжелой таскать?»

Придя в класс, я незаметно засунул своего щенка в парту. Тот даже не проснулся. «Спи спокойно, – шепнул я ему, – у нас сегодня всего пять уроков, а два последних – физра, и мы с тобой сбежим. Ведь когда убегаешь от чего-то, это что-то вроде физкультуры. У нас на физре только и делают, что бегают. Так не все ли равно, где бегать?»

Первый урок Засоня благополучно проспал. На перемене дежурные стали выгонять всех из класса, чтобы его проветрить. Но я так уцепился за парту, что меня можно было унести только с ней из класса и никак иначе. Дежурные Колька Семкин и Ванька Бирюков всю перемену пытались оторвать меня от парты. Сопели, кричали, но ничего у них не вышло. Когда прозвенел звонок, они сказали, что на следующую перемену позвонят Саньку Пыжикову из четвертого класса, известного на всю начальную школу силача, и тогда посмотрят, как я смогу удержаться. «Ничего, – успокаивал я себя, – скоро мой Засоня вырастет, как рявкнет – ваш Санька от страха под парту залезет. А пока буду держаться, как могу».

– Ты чего это учебники не принес? – недовольно проворчала Ленка, когда наша учительница попросила раскрыть учебники и переписать упражнение.

– А тебе что, жалко? – огрызнулся я.

– Жалко у пчелки, а пчелка на елке, а елка в лесу, – при этих словах Ленка высунула язык. «Ну и противная же это девчонка, – подумал сердито я, – как бы мне поменяться с кем-нибудь местами. Кольке Семкину она нравится, вот ему и предложу. Пусть только на перемене ко мне не пристает». Но вскоре мои мысли приняли другой оборот: «Вот у меня в парте лежит живая собака, и никто в целом классе не знает, а жаль».

– Слушай, Ленка, – вдруг неожиданно прошептал я, – отгадай, кто у меня в парте лежит?

– Во-первых, не кто, а что, – назидательно поправила меня Ленка, – «кто» можно говорить только об одушевленном предмете.

– Тоже мне умница нашлась, – язвительно сказал я, – у меня как раз одушевленное и лежит.

– Лягушка! – округлив от страха глаза, чуть не вскрикнула Ленка.

– Сама ты лягушка, – засмеялся я, – у меня кто-то покрупнее.

– А кто? – уже заинтересованно спросила Ленка.

– Дед Пихто, вот кто. Сама отгадай.

– Заковыкина и Понамарев, перестаньте разговаривать, а не то я вас выведу из класса, – строго сказала Клавдия Феофановна, наша учительница.

Мы примолкли. Ленка поерзала-поерзала в нетерпении, но потом все же, не выдержав, попросила: «Лешенька, ну пожалуйста, скажи, кто там у тебя? Я никому не скажу, честное слово».

– У меня там собака, – прошептал я.

– Врешь и не моргнешь. Ну и дурак, – обиделась Ленка.

– Не веришь? – прошептал я, – тогда сама протяни руку и пощупай.

– И пощупаю, – сказала Ленка, и полезла рукой в парту. – Что это у тебя, зимняя шапка? – сказала с ехидством она, продолжая шарить рукой. – Ой! – вдруг громко вскричала Ленка.

– Заковыкина, встать! – взвилась со своего места Клавдия Феофановна. – Что такое там случилось?

– У Понамарева собака, вот я и испугалась, – чуть не плача, сказала Ленка.

– Какая такая собака? Понамарев, встать! Что там у тебя за собака?

Я встал и молча вынул Засоню из парты. Тот уже проснулся и с любопытством вертел головой, видно, удивляясь такому множеству детей.

– Господи! – всплеснула руками учительница, – чего только не притащат в школу! Ты бы еще слона принес. Вынеси сейчас же собаку и возвращайся в класс. А завтра без родителей в школу не приходи. Я, подавленный горем, вышел из класса. Пока нес на руках своего Засоню, он опять задремал. Я вынес его на школьный двор. Здесь в саду

было одно потаенное место у забора за кухней досок. Я отнес туда своего щенка и, положив за досками, сказал: «Подожди меня, Засоня, здесь, я скоро за тобой приду».

Вернувшись в класс, я еле дождался перемены и сразу опрометью бросился во двор. За мной побежали все ученики нашего класса. Даже дежурные, которые должны были проветривать помещение, – и те устремились следом. Сердце мое захолодело, когда я увидел, что Засоня на месте нет. Я стал искать рядом. Весь класс принял участие в поисках. Мы перерыли все доски. Тут к нам подошел Сережка Скудельников из третьего «Б» класса.

– Чего ищете? – спросил он.

– Щенка ищем. Вот Лешка Понамарев его здесь оставил.

– Бесплезно ищете, я сам видел, как Валерка-дурачок его взял и унес.

Мы переглянулись в недоумении между собой. Валерка когда-то начинал учиться вместе с нами. Был тихим, забитым мальчиком. Школьную программу освоить не смог и остался в второй год. Затем его перевели в специальную школу для умственно отсталых. Он иногда приходил в свою старую школу и сидел во дворе на досках, наблюдая за нашими играми издалека. С Валеркой никто не водился, считая для себя зазорным дружить с ненормальным. Его дразнили и обзывали, но он ни на кого не обижался, и потому дразнить его было неинтересно.

Однажды, когда мы играли в футбол, мяч отлетел в сторону Валерки. Кто-то из мальчишек закричал ему: «Эй, Валерка, давай сюда мячик». Валерка обрадовался, схватил мячик обеими руками и побежал к нам, но тут же споткнулся и, упав, выронил мяч. «Да ты его ногой пинай», – стали кричать ребята. Валерка поднялся и неуклюже пнул мяч, так, что он полетел в обратную сторону, еще дальше от нас. Все стали кричать на него, обзывая «придурком» и другими обидными прозвищами. Но он только улыбнулся и снова побежал за мячом. Когда Валерка поднял мяч и хотел его нести обратно к нам, к нему уже подбежал Игорь Пестряков, наш голкипер, и, грубо отняв мячик, крикнул: «Пошел отсюда, полоумок». Валерка стоял, улыбаясь и не уходил. Тогда Пестряков развернул его

– За мной! – крикнул воинственно Вовка, и все с улюлюканьем, как индейцы, побежали по шпалам.

Валерка обернулся и, увидев нас, тоже припустил вприпрыжку, смешно подбрасывая ноги.

– Он и бегаёт по-дурачки, – захохотал Вовка.

– Ничего себе, по-дурачки, – говорила запыхавшаяся Ленка, – вон как бежит, не догонишь.

– Стой, – закричали все, – остановись, Валерка, а то хуже будет.

Но тот припустил еще сильнее. Позади нас послышался протяжный гудок.

– Поезд! – закричала Ленка.

Мы все, словно горох, посыпались с дорожного полотна на крутую насыпь. Поднялись, глянули – а впереди поезда бежит наш ненормальный Валерка. Поезд гудит, а Валерка еще пуще бежит. Завизжали тормоза поезда, но тот по инерции продолжал двигаться на Валерку. Мы в ужасе закрыли глаза. А когда открыли, то увидели, что поезд, продолжая гудеть, едет дальше.

– Ну, все, – сказал Вовка, – нет больше нашего ненормального. Перерезало его поездом вместе с собакой.

Ленка как зарыдает, а вместе с ней и мы все завывли. Промчался поезд. Смотрим, на той стороне насыпи к домам железнодорожников бежит наш Валерка со щенком на руках. Мы все как закричим: «Ура! Ура!»

И давай друг друга обнимать на радостях. Я даже на время о щенке своем забыл. Радовался, что Валерка жив остался. Но потом вспомнил о Засоне, и так мне грустно стало, что я чуть было не расплакался, да стыдно стало перед девчонками. Хотя до этого все плакали. Но одно дело все, а другое – на глазах у всех – одному. Ребята и так заметили мое состояние и стали утешать. Когда уж домой вернулся, то не выдержал и разревелся. Мама стала расспрашивать, что со мной случилось. Пришлось все рассказать без утайки. Конечно, она меня отругала за то, что взял щенка в школу, но потом ей стало жаль меня, и она сказала:

– Ладно, не плачь, сынок, я завтра в школе узнаю адрес этого мальчика, мы с тобой пойдем и заберем щенка.

за плечи в обратную сторону и пнул ногой. Все ребята засмеялись. Валерка побежал, оглянувшись, споткнулся, упал, чем еще больше рассмешил ребят. Поднявшись с земли, он, прихрамывая, снова побежал, но уже не оглядываясь. С тех пор Валерка никогда не приходил во двор школы.

– Ну, я этому дураку покажу, – угрожающе сказал Вовка Бобылев, – куда он пошел, не видел?

– Туда, в сторону железной дороги, – махнул рукой Сережка.

Мы все ринулись к железнодорожному полотну, проходившему недалеко от школы. Когда выбежали на железнодорожную насыпь, Ленка закричала:

– Вижу, вижу, вон Валерка ненормальный идет, и щенок у него на руках.

Мы пригляделись – точно он.

На следующий день мы пошли к Валерке. Жил он в деревянном ветхом двухэтажном доме железнодорожников. Открыла нам его бабушка. Узнав, по какому мы делу, сразу разохалась и разохалась:

– Да как же так, мои миленькие, нехорошо получилось, грех-то какой. Я его вчера спрашиваю: откуда у тебя собака? А он молчит и ничего мне не говорит. Ах, батюшки, грех-то какой. Сейчас, сейчас, мои касатики, я пойду, поговорю с ним и верну вам собаку. Он ведь у меня круглая сирота, потому вы его должны простить ради Бога.

С этими словами старушка из кухни, где мы стояли, пошла в соседнюю комнату. Оттуда хорошо было слышно, как она говорит Валерке: «Внучек, да разве так можно поступать? Это грех брать чужое. Сказано ведь в Священном Писании: «Не пожелаи ни вола

его, ни осла его, ни всякого скота его». А ты, горемычный мой, собаку пожелал. Так ведь и собака скот, значит, это грех. Не тойбоной положено, не тебе и брать. Давай, давай сюда собачку, я отдам ее мальчику, а то он расстраивается, переживает. Ведь это его собачка, не наша».

Вскоре она вышла к нам, неся на руках моего любимого Засоню. Щенок, как всегда, спал. Я взял его на руки и, поблагодарив старушку, быстро пошел вслед за мамой из квартиры. Выйдя из подъезда, я оглянулся и увидел в окне Валерку. Он стоял и смотрел на нас широко раскрытыми глазами, а по щекам его текли крупные слезы. Но, увидев, что я смотрю на него, он как-то нерешительно помахал мне рукой. Что-то дрогнуло в моем сердце, и я помахал ему в ответ. И тогда он вдруг улыбнулся мне, вытер рукавом слезы и снова замахал рукой. Я поспешил вслед за мамой.

– Мама, а что такое «круглый сирота»? – спросил я у нее, когда мы уже выходили со двора.

– Это, сынок, когда у ребенка нет ни отца, ни матери.

Я еще раз оглянулся на окна Валеркиной квартиры. Он по-прежнему махал рукой. И таким он мне вдруг показался несчастным и одиноким, что в моем сознании промелькнула мысль: «А ведь это не он у меня собаку украл, а наоборот, я у него сейчас ее краду». От этой мысли я остановился как вкопанный.

– Ну, ты чего встал? Пойдем, – потянула меня мама за руку.

– Подожди мама, я сейчас быстро вернусь, – крикнул я и побежал к подъезду.

Забежав в квартиру, я столкнулся нос к носу с Валеркой, бежавшим ко мне навстречу. Он остановился, застенчиво поглядывая на меня. А потом тихо спросил:

– Можно мне еще разок погладить твою собачку?

– Бери, – сказал я, – щенок твой, а зовут его Засоня.

– Ты его отдаешь мне? – в удивлении переспросил Валерка.

– Да, он твой, – глубоко вздохнув, подтвердил я свои слова.

Глаза Валерки светились счастьем. Он смотрел на меня таким благодарным взглядом, что я подумал: «Люди так глядеть не могут, да и собаки, пожалуй, тоже». Валерка бережно взял из моих рук щенка. Признаюсь честно, что когда он забирал из моих рук Засоню, я на мгновение пожалел о своем поступке. Но только на мгновение, а потом словно гора с плеч свалилась, и я ему говорю: «Знаешь что, Валерка, приходи к нам на школьный двор играть, вместе с Засоней, я никому не позволю тебя обижать».

Валерка молча кивнул головой, затем повернулся и, так ничего и не сказав, пошел в комнату. А я с легким сердцем вышел на улицу к встревоженной маме.

– Где твоя собака? – спросила она.

– Я отдал ее Валерке, ведь у него нет родителей, а у меня есть и папа, и ты, мама, – сказал я, беря ее за руку.

Мать остановилась и внимательно поглядела на меня, а потом вдруг порывисто обняла и, поцеловав, сказала:

– Сегодня ты совершил очень важный в твоей жизни поступок, сынок, и я тобой горжусь.

Закончив такими словами свой рассказ, я обвел взглядом класс. На меня смотрели широко открытые глаза притихших детей.

– Вот именно тогда я впервые и повстречал Бога. Он невидимо стоял рядом со мной и Валеркой. Но я запомнил, как Валеркина бабушка стояла и, крестясь на образа, в умилении шептала: «Господь с вами, детки мои».

Через два дня мы со всем классом пришли в нашу церковь, где я им рассказывал об устройстве православного храма. Из алтаря вышел настоятель, и я стал детей подводить к нему на благословение, уча, как нужно складывать для этого руки.

– Сколько же ты стекол перебил в школе? – спросил удивленный отец Евгений.

– Все стекла пока целы, – заверил я его.

– Ну и ну! О чем же ты им говорил?

– Я им про щенка рассказывал.

– Где это в Священном Писании о щенке говорится? Ну, ты, брат, даешь. Мне так, например, легче стекла в школе бить, чем про щенков рассказывать. При этих его словах снова исправно заработала пружина.

СОБЫТИЯ. ЛЮДИ. ФАКТЫ

МОСКВА

17 февраля в Военной академии РВСН имени Петра Великого, региональная общественная организация «Содружество ветеранов афганской войны 278 дорожно-комендантской бригады» провела мероприятия, посвященные 35-й годовщине вывода советских войск из Афганистана с участием ветеранов-афганцев. У памятника погибшим воинам был проведен митинг с возложением

венков и прохождение маршем курсантов.

Ветераны посетили музей, где представлены экспозиции военно-технического университета Министерства обороны Российской Федерации и Афганской войны. Затем в концертном зале Академии состоялось награждение ряда ветеранов медалями и почетными грамотами военно-патриотических, православных и ветеранских организаций. Перед афганцами выступи-

ли: президент общественной организации «Содружество ветеранов войны, военной и гражданской службы» полковник в отставке В.Л. Вашугин, огласивший поздравление начальника Генерального штаба ВС РФ ветеранам афганской войны 278 ДКБр; председатель Центрального Совета Движения «Россия Православная» В.В. Остапчук, вручивший памятные медали организации ветеранам-афганцам; председатель Общероссийского движения «Народный собор» О.Ю. Кассин и генерал-полковник в отставке В.А. Васенин, вручивший группе ветеранов почетные грамоты от имени бывшего командующего 40-й армией генерал-полковника Б.В. Громова; а также настоятель Никольского храма иерей Сергей Усолов, которым в память о афганцах была проведена поминальная служба.

КУРСК

22 февраля Курское областное отделение Движения «Россия Православная» в лице его руководителя О. Гусарева и региональное отделение Общероссийской организации «Офицеры России» в Курской области в лице руководителя исполкома А. Горбачева в канун Дня Защитника Отечества наградили общественными наградами священников Курской епархии и сотрудников Управления Росгвардии РФ по Курской области.

Старший священник и духовник Свято-Троицкого женского монастыря Курска иерей Андрей Будник рассказал собравшимся о своих многочисленных командировках в зону специальной военной операции, пробыт и потребности военнослужащих в духовной окомлении.

МОСКВА

21 февраля, в преддверии Дня защитника Отечества, в Главном военном клиническом госпитале имени Н.Н. Бурденко состоялась передача иконы Богоматери «Всех скорбящих Радость», написанной в иконописной мастерской «София» г. Ярославля под руководством председателя Ярославского отделения Движения «Россия Православная», члена Центрального Совета Движения А.Н. Шумихина.

Идея создания образа «Всех скорбящих Радость» принадлежит священнику госпитального храма иерею Илье Тягину и заведующей музеем госпиталя М.Б. Овчинниковой, обратившихся к А.Н. Шумихину с просьбой о написании иконы, в которой была бы раскрыта суть происходящих событий: служение и самоотдача военных врачей в лечении своих пациентов, раненым и нуждающимся в помощи военнослужащим российской армии. Сама идея заключалась в том, чтобы создать образ Богородицы, дарующую всем нам свою помощь в скорбях – утешение, радость исцеления, одеяние нагим, голодным насыщение, в новом прочтении на злободневную тему современным языком иконописи.

ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

21 февраля в киноконцертном зале «Смена» г. Рассказово состоялся праздничный концерт «Гордись, Отчизна, славными сынами», который был посвящен празднованию Дня защитника Отечества.

С приветственным словом и поздравлением к собравшимся обратились председатель Тамбовского областного отделения Движе-

ния «Россия Православная», председатель Рассказовского городского Совета народных депутатов С.А. Свистунов, заместитель главы администрации г. Рассказово Ю.В. Прокудин, депутат Тамбовской областной Думы И.В. Телегин.

Под бурные аплодисменты зала для вручения благодарственных писем и памятных подарков от регионального штаба Комитета семей воинов Отечества на сцену были приглашены наши земляки, герои, те, кто отважно защищает родину в зоне специальной военной операции, а сегодня находится в краткосрочном отпуске.

Венчал торжественный вечер концерт с участием творческих коллективов города, прошедший в атмосфере праздничного настроения, не оставив равнодушными всех присутствующих. Праздничная программа была пронизана чувством признательности ко всем, кто в разные времена истории проявлял чудеса смелости и героизма. В ней – не проходящая боль матерей и жен, в ней – молитвенная память потомков и наша общая любовь к Великой России.

